

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 14(7), 2025]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Махрачев Г. С. Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от позднеимперского к советскому строю / Г. С. Махрачев, Я. В. Махрacheва, М. А. Облицов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 8. — С. 529—548. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-529-548.

Makhrachev, G. S., Makhracheva, Ya. V., Oblitsov, M. A. (2025). Development of Felted Footwear Craft in Tambov Province During Transition from Late Imperial to Soviet System. *Nauchnyi dialog*, 14 (8): 529-548. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-529-548. (In Russ.).

Web of Science™

DOAJ

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от позднеимперского к советскому строю

Махрачев Георгий Сергеевич
orcid.org/0000-0002-8279-243X
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории и философии,
корреспондирующий автор
mahrachova@mail.ru

Махрacheва Яна Васильевна
orcid.org/0000-0002-8634-110X
научный сотрудник
nika36323@yandex.ru

Облицов Максим Анатольевич
orcid.org/0000-0003-0008-4083
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
кафедры истории и философии
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина для поддержки научных коллективов, приказ № 490/1 от 02.09.2024 г.

Development of Felted Footwear Craft in Tambov Province During Transition from Late Imperial to Soviet System

Georgy S. Makhrachev
orcid.org/0000-0002-8279-243X
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History and Philosophy,
corresponding author
mahrachova@mail.ru

Yana V. Makhracheva
orcid.org/0000-0002-8634-110X
Research Associate
nika36323@yandex.ru

Maxim A. Oblitsov
orcid.org/0000-0003-0008-4083
PhD in History, Senior Lecturer,
Department of History and Philosophy
Mr.MaximOblitsov@mail.ru

Derzhavin Tambov
State University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared with financial support from the grant of Derzhavin Tambov State University to support scientific teams, Order № 490/1 dated September 2, 2024

© Махрачев Г. С., Махрacheва Я. В., Облицов М. А., 2025

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению специфики развития валяльного кустарного промысла в аграрном регионе. Новизна исследования видится в том, что был применен междисциплинарный подход, а также был рассмотрен крупный временной промежуток, включающий позднейшее время, период военного коммунизма и годы нэпа. В качестве материалов привлекаются документы региональных архивов и авторский полевой архив устной традиции, а также опубликованные данные статистики, делопроизводственные источники, статьи периодических изданий. Показано, что в позднейшее время деятельность валяльщиков носила преимущественно натуральный характер, а кустарничество только начинало зарождаться в местах повышенного скопления мастеров. Сообщается, что механизация производства происходила медленными темпами. Кроме того, авторы приходят к выводу, что стремительное развитие промысловой кооперации в среде валяльщиков в годы военного коммунизма было обусловлено потребностями фронта. Уделяется внимание объяснению причин снижения численности промысловых кооперативов в годы нэпа. Подчеркивается, что употребление диалектной лексики, относящейся к профессиональной сфере, наряду с литературной в одном и том же населенном пункте свидетельствует не только о глубинной установке в сознании человека на труд, но и акцентирует внимание на значимости специфики видов трудовой деятельности, мастерстве.

Ключевые слова:

кустарные промыслы; промысловая кооперация; валяльное дело; ремесленная лексика; Тамбовская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the development of the handmade felted footwear craft within an agrarian region. The novelty of this study lies in its interdisciplinary approach and its analysis of an extensive timeframe encompassing the late Imperial era, the period of War Communism, and the years of the New Economic Policy (NEP). The research draws upon a diverse source base, including regional archival documents, the authors' own field archive of oral histories, published statistical data, administrative records, and contemporary periodicals. The study demonstrates that during the late Imperial period, the work of felters was predominantly subsistence-based, with cottage industries only beginning to emerge in areas with a high concentration of artisans. It is reported that the mechanization of production progressed at a slow pace. Furthermore, the authors conclude that the rapid development of trade cooperatives among felters during War Communism was driven by the demands of the military front. The article also pays particular attention to explaining the reasons for the decline in the number of these trade cooperatives during the NEP. Finally, it is emphasized that the concurrent use of dialectal and literary lexicon related to the professional domain within the same locality not only reflects a deep-seated cognitive framework for labor but also underscores the significance of specific types of work and the value of artisanal skill.

Key words:

felted footwear craft, cottage industry, Tambov Province, Soviet transition, trade cooperatives, War Communism, NEP, oral history, dialectology, labor culture.

УДК 94(47).084.3+94(470.326)“1900/1920”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-8-529-548

Научная специальность ВАК

5.6.1. Отечественная история

Развитие валяльного промысла на территории Тамбовской губернии в условиях перехода от поздней имперской к советской системе

© Махрачев Г. С., Махрачева Я. В., Облицов М. А., 2025

1. Введение = Introduction

Хронологический отрезок, начало которого совпадает с отменой крепостного права, а конец — с переходом страны к индустриализации и коллективизации, можно с уверенностью назвать временем расцвета кустарных промыслов. Однако установление на многие годы командно-административной экономики поставило под удар деятельность мелких товаропроизводителей и снизило интерес ученых к этой теме. Лишь в конце XX века в рамках перехода к рыночным отношениям произошла актуализация исследований, связанных с изучением специфики организации предпринимательской деятельности прошлых поколений. В связи с этим особую значимость приобретают исследования регионального характера, поскольку кустарное производство являлось предвестником современного малого предпринимательства, которое напрямую связано с локальными традициями и местной географией.

Впервые к вопросам развития кустарного производства исследователи обратились еще в поздней имперской время, что было связано с попытками понять новые реалии, в которых оказалась Россия после отмены крепостного права. Так, заметным явлением общественной жизни стала дискуссия о месте кустарных промыслов в экономике страны, развернувшаяся между народниками и марксистами. Народники в своих работах делали акцент на уникальности кустарных промыслов, подчеркивая их неразрывную связь с реалиями русской жизни. А. А. Исаев на примере Московской губернии попытался выявить причины зарождения центров кустарного производства [Исаев, 1876, т. 1; Исаев, 1876, т. 2; Исаев, 1877]. В. С. Пругавин изучил особенности организации кустарного отдела на выставке 1882 года [Пругавин, 1882].

Среди марксистов выделялись Г. В. Плеханов и В. И. Ленин, которые стремились показать, что развитие кустарного производства было закономерным экономическим явлением, характерным капиталистической формации. Плеханов, проанализировав положение кустарей, указал на то, что их про-

изводство имело вид типового капиталистического предприятия [Плеханов, 1956]. Ленин в своей работе подчеркнул, что переход многих сельских мастеров от натурального производства к рыночному происходил именно под влиянием развивавшихся в стране капиталистических отношений [Ленин, 1971].

Для историографии советского периода был характерен спад интереса к данной теме, а те немногие работы, которые все же выходили в свет, носили ярко выраженный идеологический характер. Так, основополагающей можно назвать работу В. И. Ленина, в которой кооперации отводилась важнейшая роль при построении социалистического общества [Ленин, 1970]. Неудивительно, что вслед за ней был опубликован ряд трудов, в которых делался акцент на высоких темпах кооперативного строительства, в том числе и в среде кустарей [Тихомиров, 1929; Фромметт, 1927]. Заметное влияние на разработку рассматриваемой темы оказали опубликованные также в 1920-х годах исследования А. А. Рыбникова, в которых приводилась классификация кустарных промыслов и давалась их описательная характеристика [Рыбников, 1922, Рыбников, 1926].

В 1957 году в свет вышла работа П. И. Яковлева, в которой автор попытался проследить судьбу отечественной кооперации с позднимперского времени до «хрущевской оттепели» [Яковлев, 1957]. А. И. Бузлаева в своей монографии сделала акцент на том, что кооперированные кустари в годы военного коммунизма и нэпа работали в лучших условиях, чем частники [Бузлаева, 1969]. П. Г. Рындзюнский проанализировал место кустарной промышленности в формировавшихся в пореформенное время капиталистических отношениях [Рындзюнский, 1966]. К. Н. Тарновский изучил географию распространения кустарных промыслов в начале XX века, рассмотрел влияние русско-японской и Первой мировой войн на эту форму производства [Тарновский, 1995].

В работах конца 1980—1990-х годов ученые пытались переосмыслить существовавшую историографическую традицию, излишне негативно оценивая положение советской кооперации [Козлов, 1990; Файн, 1994].

На заре XXI века был опубликован труд В. Г. Егорова, в котором автор проследил историю кооперативного строительства в среде кустарей как закономерный этап концентрации мелкой собственности [Егоров, 2005]. М. В. Карташова, активно применяя новые компьютерные методы исследования, выбрала центральным сюжетом политику позднимперского правительства по стимулированию кустарного производства [Карташова, 2018]. В настоящее время все большую популярность приобретают исследования, носящие региональный характер [Перепелицын, 2005; Егоров и др., 2016; Григорова, 2017].

Таким образом, с одной стороны, данная статья развивает наметившуюся тенденцию повышения интереса к региональным аспектам развития ку-

старой промышленности; с другой — авторы значительно расширили хронологические рамки исследования, рассмотрев как целостный временной промежуток пореформенное время, период военного коммунизма и нэпа. Такой подход ранее не был характерен для отечественной историографии.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование базируется на широком круге источников. В первую очередь это неопубликованные документы, сохранившиеся в Государственном архиве Тамбовской области и Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области. В них была отражена информация об особенностях организации работы кустарей для нужд фронта в годы гражданской войны, а также о темпах кооперативного строительства и объемах производства. Кроме того, были проанализированы материалы статистики разных лет, позволившие выявить центры кустарного производства и проследить особенности складывания капиталистических отношений. Дополнительно к работе привлекались источники периодического характера и делопроизводственные документы. Особо отметим использование в работе полевого архива устной традиции, собранного авторами в экспедициях на территории региона на рубеже XX—XXI веков.

В рамках работы использовались общенаучные и специальные методы исследования. К первым следует отнести анализ, востребованный для работы с любыми историческими источниками, и синтез, благодаря которому разрозненные факты были собраны в единую логическую конструкцию. Под второй группой методов мы понимаем историко-статистический метод, который был необходим при работе с количественными данными, историко-сравнительный, применявшийся для сопоставления специфики организации кустарного производства в разные эпохи, метод сплошной выборки и контент-анализ данных из текстов бесед, содержащихся в полевых материалах.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Зарождение кустарного валяльного производства в позднимперское время

Подворные переписи 1880—1884 годов отразили скудность крупных центров валяльного промысла на территории губернии. Это Романовская, Кузьминская и Грязинская волости Липецкого уезда, в которых было отмечено 298, 69 и 45 промысловых дворов соответственно [Сборник ..., 1885, Т. 8, с. 108]; Ракшинская волость Моршанского уезда — 124 двора [Сборник ..., 1882, Т. 3, с. 290—291]; Зарубинская волость Спасского уезда — 57 дворов [Сборник ..., 1883, Т. 5, с. 118—119]; Митропольская волость Тамбовского уезда — 41 двор [Сборник ..., 1886, Т. 12, с. 280—281].

Среди основных форм организации валяльного промысла выделялись следующие: 1) домашнее производство для личного пользования, 2) местное ремесленное изготовление под заказ, 3) отходничество, также ориентированное на работу под заказ, 4) кустарное или капиталистическое, предполагавшее наличие наемных рабочих, а также сбыт изделий неизвестному потребителю. Как правило, тамбовские мастера работали «для удовлетворения местного крестьянского спроса» [Сборник ..., 1881, Т. 2, с. 131], то есть практиковали первые две организационные формы.

К третьей категории можно отнести как тамбовских мастеров, которые уходили в соседние уезды и губернии, так и пришлых, которые трудились на территории Тамбовщины из других регионов. Так, мастера из с. Плоская Дубрава Питерской волости два раза в год — весной и осенью — отправлялись работать в южные уезды Тамбовской губернии. Весенняя отлучка приходилась на май, период стрижки овец, и длилась около двух недель. В это время отбивали шерсть и изготавливали из нее исключительно войлок, полости, епанчи. Осенняя отлучка начиналась в конце августа и длилась до конца октября. В это время изготавливали также валенки. Уходили артелями по 6—12 человек [Сборник ..., 1882, Т. 3, с. 246]. Мастера из селений, входивших в состав Романовской, Кузьминской и Грязинской волостей, в качестве направления отходничества выбирали Воронежскую губернию и Область войска Донского. Работали там с конца августа до середины ноября или декабря группами по 2—3 человека [Сборник ..., 1885, Т. 8, с. 100]. Отходничество существовало и среди мастеров с. Митрополье Митропольской волости. Причем крупные мастера работали у себя дома, а по соседним деревням ходили маломочные [Сборник ..., 1886, Т. 12, с. 266].

Отходничество практиковалось и мастерами из других губерний. На рубеже 1900—1910-х годов в Липецкий уезд стали приходить валяльщики из Московской и Тверской губерний. Их изделия отличались более высоким качеством, а скорость производства была в два раза быстрее [Обследование ..., 1912, с. 4]. В результате жесткой конкуренции возник риск обнищания местных мастеров, которые практиковали отсталую технологию производства.

Капитализация валяльного производства была в первую очередь заметна в крупных центрах промысловой активности. Кустари сбывали свою продукцию на ближайших крупных рынках, а также использовали наемных рабочих, число которых, как правило, было невелико: 1—2 человека [Там же, с. 2]. Так, мастера из с. Ярлуково Грязинской волости сбывали свои изделия на базарах в Липецке и Грязях, из с. Покасы Зарубинской волости — в Спасске, из с. Митрополье Митропольской волости — в Бондарях, Гагарино, Рассказово, а кроме того, во всех обозначенных селени-

яч существовал наемный труд [Обследование ..., 1912, с. 2, 6; Сборник ..., 1883, т. 5, с. 99—100; Сборник ..., 1886, т. 12, с. 256; Докладная ..., с. 72]. В документах также упоминалось об использовании наемного труда в с. Крутые хутора Романовской волости и д. Коршуновка Питерской волости [Обследование ..., 1912, с. 1—2; Кустарные ..., 1900, с. 57].

Местные ремесленники и отходники в подавляющем большинстве случаев выделяли изделия из сырья, заранее предоставленного заказчиком [Докладная ..., с. 24, 35, 63]. Кустари же использовали шерсть, состриженную с собственных овец либо приобретенную у соседей и на ближайших базарах [Кустарные ..., 1900, с. 58]. Чем больше было производство, тем более крупными партиями и на более выгодных условиях закупалась шерсть. Некоторые валяльщики, например из с. Митрополье Митропольской волости, использовали для работы только овечью шерсть без примесей, боясь в противном случае лишиться потребителей [Докладная ..., с. 72]. А в Моршанском уезде мастера изготавливали продукцию как из чистой овечьей шерсти, так и с примесями коровьей и собачьей. Изделия с примесями продавались в два раза дешевле [Сборник ..., 1882, т. 3, с. 247].

Орудия труда: рубели, колодки, раскаты, лучки, струны, железные прутья — частью делались мастерами самостоятельно, частью покупались. Колодки могли прослужить два года, в то время как струн хватало на 1—3 дня работы, потому их покупали десятками [Там же]. Началась медленная механизация производства благодаря распространению шерсточесальных машин, численность которых в конце XIX века была единичной [Сборник ..., 1882, т. 3, с. 247; Сборник ..., 1883, т. 4, с. 193; Сборник ..., 1886, т. 12, с. 266]. Причем они производились в том числе и местным населением, что подтверждали экспонаты губернской выставки [Тамбовское ..., 1913, с. 83]. Распространению механических орудий производства мешала их дороговизна. Стоимость шерсточесальной машины варьировалась от 70 до 100 руб., а цена одной пары готовых валенок из чистой овечьей шерсти составляла 1 руб. 40 коп. [Сборник ..., 1882, с. 247].

Организация валяльного производства требовала крупных капиталовложений, которых у обычных крестьян не было. А потому многим из них приходилось обращаться к зажиточным односельчанам за кредитом под высокий процент. Кабальность заключавшихся договоров приводила к разорению мастеров [Обследование ..., 1912, с. 2; Докладная ..., с. 72].

3.2. Объединение валяльщиков в кооперативы и особенности выполнения ими госзаказов в годы военного коммунизма

В документах периода военного коммунизма встречались весьма скудные данные о работе единоличных валяльщиков, что неудивительно, поскольку страна оказалась в глубоком кризисе, затронувшем все сферы

общественной жизни. Между тем советская власть отдавала предпочтение кооперативной форме организации производства, которая была в кратчайшие сроки поставлена на государственный контроль.

Тем не менее некоторые выводы о промысловой активности населения можно сделать на основе результатов сельскохозяйственных переписей 1917 и 1920 годов. Следует выделить два крупных центра, существовавших в 1917 году: это Шаморгская волость Шацкого уезда, где проживало 558 мастеров, и Зарубинская волость Спасского уезда — 262 мастера. В 1920 году был зафиксирован только один крупный центр — Митропольская волость Тамбовского уезда, где промышляло 270 человек. Остальные центры промысловой активности пришли в упадок [Бюллетень ..., 1924, № 4, с. 14].

В журнале «Трудовое единение», который вышел в свет 30 мая 1919 года, приведены данные о числе действовавших в губернии промысловых кооперативов. Среди них 1 по выработке валяльной обуви — в Шацком уезде, а также несколько объединений в Тамбовском уезде, которые могли быть связаны с валяльным промыслом: 2 кустарно-войлочных и 1 по обработке шерсти [Кустарная ..., 1919, с. 60].

Появление кооперативов валяльщиков нередко было связано с наличием государственных заказов (госзаказов). В конце 1919 года Тамбовский губернский отдел текстильной промышленности (губтекстиль) организовал 3 кооператива, изготавливавших валенки для нужд фронта на территории Тамбовского уезда [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1520, л. 18]. В это же время возник кооператив в с. Хмелевое Козловского уезда. Местный совет народного хозяйства сразу начал переговоры с отделом военных заготовок о предоставлении заказов [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 719, л. 48].

Шефство над промысловой кооперацией в 1919 году взяло губернское бюро союзов кредитных, сельскохозяйственных и производственных кооперативов (сельскобюро). 6 декабря того же года оно стало посредником при реализации заказа от губтекстиля на производство валенок [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 785, л. 25 об.]. В феврале–марте 1920 года сельскобюро было преобразовано в Тамбовский губернский сельскохозяйственный союз кредитной и кустарно-промысловой кооперации (губсельскосоюз) [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 52, л. 11 об.], который вскоре был поглощен губернским союзом потребителей обществ (губсоюзом) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 75].

Из вышеобозначенных фактов можно сделать вывод, что губтекстиль претендовал на главенствующую роль среди прочих местных государственных органов управления во взаимоотношениях с валяльщиками. Более того, на заседании коллегии губтекстиля от 14 мая 1920 года было при-

нято решение, что все заказы из центра на валяльную обувь и чулочно-валяльные изделия должны были реализовываться только через губтекстиль [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 758, л. 134]. Параллельно с этим на заседаниях Президиума ГСНХ было постановлено, что все заказы для тамбовских кустарей должны были проходить через кустарно-кооперативный отдел [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 717, л. 59, 63]. Но этот отдел просуществовал недолго, и 24 июля прошло первое заседание коллегии нового органа — губернского отдела по делам кустарной и мелкой промышленности (губкустпрома) [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 1042, л. 109].

Учрежденному губкустпрому не сразу удалось в должной мере наладить организационную работу. В записке от 18 августа сообщалось, что валяльщики по-прежнему работали для нужд губтекстиля [Там же, л. 108]. Однако военное положение вынуждало советскую власть отладить процесс массового производства тех изделий, которые были востребованы на фронте и к которым в том числе относились валенки. Этому способствовало издание в сентябре–октябре губкустпромом ряда соответствующих приказов. Во-первых, производственная секция губсоюза должна была каждые 10 дней предоставлять сведения о количестве выработанных валенок. Во-вторых, все государственные учреждения были обязаны передать в губкустпром сведения о заключенных с валяльщиками договорах и об объемах имевшегося сырья. В-третьих, создавалась комиссия по ревизии имевшейся на фабричных складах шерсти, пригодной для передачи кустарям. Всякие попытки оспорить данные решения должны были караться трибуналом [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 38, л. 9, 11, 26]. По итогу на заседании коллегии губтекстиля 12 ноября 1920 года было принято решение о передаче губкустпрому заказа на валяную обувь и нарядов на шерсть [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 758, л. 281].

Губкустпром должен был организовать производство 60 000 пар валенок для нужд фронта [ГАТО, ф. Р-966, оп. 1, д. 38, л. 27]. В целях повышения эффективности производства в кооперативах валяльщиков вводилась должность ответственного руководителя работ. Каждая пара валенок должна была быть помечена дробью, у которой числитель — номер кооператива, а знаменатель — мастера. Изготовление некачественной продукции каралось ликвидацией кооператива и судебным преследованием. Месячная норма выработки изделий на одного мастера составляла 20 пар валенок [Там же, л. 32—33].

3.3. Специфика существования частной и кооперативной форм валяльного производства в годы нэпа

О промысловой активности населения в годы нэпа позволяют судить данные статистического обследования 1925 года, согласно которым круп-

ные центры валяльного производства существовали в Бондарской и Сампурской волостях Тамбовского уезда, где проживало 199 и 177 валяльщиков соответственно, Дегтинской волости Козловского уезда — 109 валяльщиков, Пригородной и Алгасовской волостях Моршанского уезда — 89 и 82 валяльщика, Ищенской и Пригородно-Лебединской волостях Липецкого уезда — 96 и 76 валяльщиков [Бюллетень ..., 1928, № 8, с. 16—19]. Также хотелось бы обратить внимание на заметку в «Тамбовской правде», в которой отмечалось постепенное вытеснение пришлых валяльщиков местными мастерами [Не кустарь ..., 1922, с. 3].

Работали мастера преимущественно осенью и зимой по 12—14 часов в сутки. По-прежнему развитию промысла мешала дороговизна орудий труда. Пара валенок на местных рынках оценивалась в 7—8 руб., а стоимость необходимого для работы оборудования могла превышать 100 руб. [Бюллетень ..., 1928, № 8, с. 16].

Как уже отмечалось, советскую власть интересовала не частная ремесленно-кустарная, а кооперативная форма производства, информацией о которой изобилуют источники этого периода. Преемником упраздненной производственной секции губсоюза стал образованный 1 августа 1921 года губернский союз кустарно-промысловый кооперации (губкустпромсоюз) [Краткий ..., с. 442]. По данным на 1 июля 1922 года, в его состав входило 27 кооперативов, специализировавшихся на кошмовальном производстве (изготовлении валенок и войлока) и охватывавших 716 мастеров [Лябин, 1922, с. 25].

Первоначально руководство губкустпромсоюза по инерции придерживалось сложившейся еще в годы военного коммунизма традиции ориентироваться на госзаказы. Однако гражданская война постепенно заканчивалась, а потому былой нужды в огромных партиях валенок уже не было. Внешние контрагенты, с которыми губкустпромсоюз заключил договоры в течение 1921—1922 финансового года, зачастую были не в состоянии предоставить качественное сырье и материалы, а также обеспечить на должном уровне финансирование работы. По этим причинам заказ на выделку 5000 пар валенок был выполнен менее чем на 30 %. В дальнейшем руководство союза приняло решение начать заготовку собственного сырья. В течение нескольких месяцев 1922 года удалось создать запас шерсти, которая должна была обеспечить на 100 % потребности валяльного производства до 1 февраля 1923 года [Там же, с. 26].

Организацией производственной деятельности занимались также уездные союзы кустарно-промысловый кооперации (укустпромсоюзы), входившие в состав губкустпромсоюза. Так, Козловский укустпромсоюз открыл собственную валяльную мастерскую. Однако это все равно не по-

могло удержать кооперативы в составе союза. Из-за слабой загруженности работой два из трех кооперативов, функционировавших на базе союза, вышли из его состава [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 2834, л. 37].

Несмотря на все усилия губкустпромсоюза наладить производственную деятельность в среде промысловой кооперации, в течение 1922 года входившие в его состав укустпромсоюзы стали объединяться с сельскохозяйственными союзами, перетекая таким образом в состав губсельскосоюза. К тому же в 1923 году площадь губернии сократилась практически в 2 раза. Поэтому в 1923—1924 годах место губкустпромсоюза занял Тамбовский районный союз кустарно-промысловой кооперации (райкустпромсоюз), работавший на уездном уровне [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3322, л. 1; ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3499, л. 25]. За первую половину 1924 года члены союза произвели 100 пар валенок [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2340, л. 170].

1 сентября 1923 года в состав Тамбовского райкустпромсоюза входило 5 первичных кооперативов валяльщиков, из которых только Митропольский объединял 112 высоко квалифицированных мастеров, а остальные были заметно слабее [ГАСПИТО, ф. 842, оп. 1, д. 696, л. 13].

В смешанных уездных и районных союзах губсельскосоюза также велось производство валяных изделий. Так, в состав Липецкого районного союза сельскохозяйственной кредитно-производственной и кустарно-промысловой кооперации входила Желто-Песковская артель валяльщиков, которая в 1922 году выполняла заказ на изготовление 152 пар валяных сапог, 500 шт. хомутовых подкладок и 737,13 кг строительного войлока [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 3325, л. 30]. В Козловском районном производственном союзе сельскохозяйственной, кустарно-промысловой и кредитной кооперации функционировала Глазковская артель валяльщиков, чьи изделия распространялись среди местных товариществ, коммун и артелей [Там же, л. 20].

После ликвидации Тамбовского райкустпромсоюза и полного исчезновения специализированных союзов наблюдалось постепенное снижение числа действовавших в губернии кооперативов валяльщиков. По состоянию на 1 апреля 1924 года в губернии существовало 26 кооперативов валяльщиков, объединявших 350 мастеров. А по данным на 1 июля 1926 года функционировало уже только 9 кооперативов валяльщиков, охватывавших 258 мастеров [ГАТО, ф. Р-727, оп. 1, д. 4017, л. 14—16, 27]. Интерес к промысловой кооперации возродился только в 1928 году, что привело к созданию нового губкустпромсоюза [П-ский, 1928, с. 4]. Однако в стране начинались уже совсем другие процессы, связанные с индустриализацией и коллективизацией.

3.4. Отражение трудовой деятельности тамбовских валяльщиков в языке устной традиции

Материалы устной традиции, собранные авторским коллективом¹ на рубеже XX—XXI веков в селах области от жителей, в том числе принадлежащих к династиям мастеров, содержат воспоминания разных поколений и позволяют отчасти понять, как лексическая система складывалась вокруг трудовой неземледельческой деятельности на Тамбовщине.

В местах с традиционно высокой плотностью мастеровых людей сохранились и дошли до наших дней не только общие наименования профессионалов (гиперонимы), но и номинации, указывающие на их специализацию, детализирующие выполнение конкретного трудового действия (гипонимы).

Примером гиперонимов может служить слово *ва́льщик*, которое употребляется в значении ‘мастер валяльного дела’ и соотносится с полным процессом создания валяного изделия (Бонд.: АМИ, Пич.: СМВ, ЧМА; Самп.: ПНИ, ФНД; Сосн.: КВГ, КВВ; Умет.: НКВ): *Щас мало валяют валенков. Уже ва́льщики почти умерли все. Я не знаю, кто у нас в Оржевке валяет или нет. Раньше много валяли валенков* (Умет.: НКВ). Здесь и далее тексты бесед с респондентами привлекаются для иллюстрации лексики, поэтому приводятся без учета фонетических диалектных черт. Список сокращений названий районов и муниципальных округов (с 2023 года) Тамбовской области приводится в соответствии с современным административным делением области в конце статьи. Там же дается список информантов.

Ко вторым можно отнести слова, обозначающие исполнителей отдельных видов работы, в том числе способов и этапов подготовки сырья: *чеса́льщик* ‘мастер, занимающийся шерсточесным ремеслом’ (Пич.: ЧМА), *чёшник* ‘то же’ (Самп.: РТИ); *стригáль* ‘человек, стригущий шерсть с овец’ (Ржакс.: АМВ; Умет.: МВК). Например: *А я не помню, как на колхозе стригли, там тыщи овец <...> Тогда не было электрических машинок. Да, это*

1 Результаты этнолингвистических экспедиций, проводимых ежегодно на территории Тамбовской и близлежащих областей под руководством Т. В. Махрачевой, доцента кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», начиная с 1993 года по настоящее время, представляют значительный полевой архивный материал (ПАМ), содержащий этнолингвистические, этнографические, лексические данные по различным темам и разделам традиционной народной культуры региона. С 1995 года практически все материалы подтверждены аудио-, а с 2005 года видео- и фотофиксацией. По сути, этот архив можно считать единственным относительно полным источником по устной традиции региона. С 2020 года участниками ежегодных экспедиций становятся авторы представляемой статьи. Полнота и частотность записей, хранящихся в ПАМ по теме валяния на исследуемой территории, а также тот факт, что большая их часть ранее не была опубликована, мотивировали выбор, сделанный в пользу данного источника перед остальными.

вот сейчас пошли, электрическими стригут. Стригалёй было много прям (Умет.: МВК). Важно отметить, что на общерусском материале эта черта проявляется очень ярко и позволяет увидеть, какие действия, этапы работы оцениваются как значимые и обуславливают генезис профессии, рождение профессионала. Сбор и анализ этой лексики делает возможным исследование того, как именно маркировалась эта специализация в языке, какие языковые средства привлекались, подробнее см.: [Вендина 2020, с. 64, Королькова, 2022, с. 104—112 и др.].

Разнообразен номинативный ряд, который использовался для обозначения рабочих помещений в валяльном промысле: *чёска* ‘специальное помещение для чесания шерсти’ (Гаврил.: КТИ; Кирс.: ИВИ; Пич.: ЧМА; Самп.: БЗА, РТИ; Умет.: НКВ), *шерсточёска* ‘то же’ (Мучкап.: БВВ); *валяльня* ‘специальное помещение для валяния’, а также *ва́льня* (Пич.: СМВ) и *поваля́йка* ‘то же’: «Ну, у него, ну как сказать, была поваля́йка. <...> ну как бы, здание, в котором он занимался этим делом. <...> У него стоял здесь стол, большой стол. Большой стол. На этом столе, ну, такие вот все его приспособления были: рубель <...>, гвозди были понабиты, висели вот эти вот колодки. Вот здесь стол. Здесь вот посредине как бы печка была» (Мучкап.: ЧВС).

Эту же тенденцию можно наблюдать и в названиях орудий труда, приспособлений, машин: *чеса́лка* ‘механическое приспособление для чесания шерсти’ (Пич.: ЧМА), *чёска* ‘то же’ (Умет.: НКВ); *чёски* — повсем., только во мн. ч. в значении ‘приспособление для ручного распутывания, разравнивания шерсти’; *валови́ще* ‘ткань для настиланья шерсти’ (Мучкап.: БСВ; Умет.: НКВ); *недоло́г* ‘брак, неравномерное, неплотное разложение шерсти на первом этапе’ (Мучкап.: БСВ) и др.

Таким образом, лексика, относящаяся к профессиональной сфере и сохранившаяся в речи мастеров, характерна для тех мест, где исторически существовали крупные, устойчивые кустарные центры. Закономерно, что в них же можно наблюдать и детализацию ремесла на языковом уровне и ориентацию на профессионализм, которые складывались под мощным влиянием изменяющихся и совершенствовавшихся форм производства. На остальной территории области она или не фиксируется, или на протяжении всего XX века подвергается вытеснению под давлением исторических, экономических процессов и литературной нормы, заменяется на общерусскую лексику, например, *сарай* в значении ‘помещение для валяния’, *простыня* / *тряпка* / *материал* / *пеленка* в значении ‘ткань для настиланья шерсти’ и т. п.

В связи с этим для нас особенно важна мысль, высказанная Т. И. Вендиной и подтвержденная на анализе целого корпуса *nomina professionalia*: «Все эти имена позволяют не только составить представление о профес-

сиональной деятельности человека традиционной культуры, но и говорят о том, что русская традиционная культура — это культура хозяйственной деятельности. Более того, в них отражены глубинные установки этой культуры, которая повелительно требует от человека быть существом деятельным, причастным к труду» [Вендина, 2020, с. 83].

Для традиционного общества характерно особое отношение к человеку труда, мастеровым людям, они пользовались заслуженным почетом и уважением. Но если общественный взгляд — это взгляд «извне», в котором мастер, его знания и умения подвергаются идеализации, мифологизации, и этот ракурс уже попадал в поле зрения ученых [Байбурин, 2005, с. 71—73], то рассказы самих мастеров о себе, своем деле — это уже взгляд «изнутри», и он иной. Лейтмотивом таких повествований является описание невыносимых условий труда, больные руки, сбитые в кровь пальцы, мозоли: *И валяй до тех пор, пока семь потов не слетит.... Он [заготовка валенка] горячий. Он его бросит на этот, на стол, пока он аптекёт немножко, чтоб руки не сжечь. <...> Руки, пальцы и щас мёрзнуть. От кислот. Она всё съедает (Мучкап.: БВВ); Всё у него ж вот здесь, аж руки до крови, в мозоли всё сбивается, а шерсть не идёт. Это весенняя шерсть не идёт. Ну, я не помню <...> то ли вазелин, чё-то с чем-то наводила и мазала ему, и он заматывал и дальше продолжал работать (Мучкап.: ЧВС).*

При этом большинство респондентов отмечают, что специализация и профессионализм не являлись стопроцентной гарантией успеха в работе и далеко не всегда обеспечивали получение желаемой прибыли, мастерам приходилось сталкиваться и с недобросовестностью продавцов при закупке больших партий сырья, и с намеренным обманом местных заказчиков, предоставляющих некачественное сырье для изготовления штучного товара. Связано это с тем, что в среде мастеров редко была налажена работа напрямую с поставщиками. Чаще всего закупку шерсти производили оптом на ярмарке у заезжих продавцов или покупали на месте стрижки овец. Товар продавался «мешками», сверху всегда размещалась шерсть лучшего качества, без посторонних примесей, а на дне мешка можно было обнаружить глину, грязь или *вешняк* ‘шерсть весенней стрижки, которую из-за природных свойств не использовали в валке’ (Мучкап.: БВВ, ЧВС, Умет.: МВК), *вяснік* ‘в том же значении’ (Мучкап.: БВВ). Упоминание о таких историях в среде мастеров не редкость, но ситуация долго не менялась.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, на рубеже XIX—XX столетий валяльный промысел имел в большей степени натуральный характер. Практиковалось отходничество, как правило, в южном направлении. Были зафиксированы конфликты с пришлыми мастерами из Московской и Тверской губерний. Переход

к капиталистической форме производства был зафиксирован в крупных центрах промысловой активности, которых в губернии было немного. Механизация производства происходила медленными темпами.

Во время военного коммунизма наблюдался упадок кустарного валяльного производства. Вместе с тем резко возросла численность промысловых кооперативов, что было связано с идеологическими взглядами и военными потребностями советской власти. Специализированного промыслового союза в это время создать не удалось, а потому кооперативы валяльщиков входили в состав интегральных объединений. Первые годы существования советской власти шла борьба между разными ведомствами за внимание мастеров. Организовать производственный процесс для нужд фронта на должном уровне новой власти удалось лишь в 1920 году.

В годы нэпа началось оживление кустарного производства после нескольких лет упадка, а также происходили изменения в географии промысловой активности: часть бывших центров исчезла, но появились новые. В первые годы нэпа многие кооперативы валяльщиков входили в состав образовавшихся специализированных губернских, уездных и районных кустарно-промысловых союзов. Но руководству как первичных, так и вторичных и третичных кооперативов было сложно адаптироваться к рыночным реалиям. Мастера все сильнее тяготились подобными объединениями, а потому число последних неуклонно снижалось.

Материалы устной традиции позволяют скорректировать устоявшееся представление о том, что при описании локальной традиции есть только два «взгляда»: «извне», официальный, нашедший отражение в письменных источниках, и «изнутри», сформированный самой традицией, поскольку последний оказывается неоднородным. Обширный репертуар диалектных лексем фиксирует историю развития ремесла, хранит сведения о нем.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Сокращения названий районов и муниципальных округов (с 2023 г.) Тамбовской области

Бонд. — Бондарский, Гаврил. — Гавриловский, Знам. — Знаменский, Ржакс. — Ржаксинский, Кирс. — Кирсановский, Мич. — Мичуринский, Морд. — Мордовский, Морш. — Моршанский, Мучкап. — Мучкапский, Никиф. — Никифоровский, Петр. — Петровский, Пич. — Пичаевский, Расск. — Рассказовский, Ржакс. — Ржаксинский, Самп. — Сампурский, Сосн. — Сосновский, Староюр. — Староюрьевский, Токар. — Токаревский, Увар. — Уваровский, Умет. — Уметский.

Список информантов

АМВ — жен., 1936 г. р., п.г.т. Ржакса, Ржакс., записи Т. В. Махрачевой, А. А. Черчевой, 2001.

АМИ — жен., 1929 г. р., с. Митрополье, Бонд., записи Т. В. Махрачевой, 1995.

БВВ — муж., 1953 г. р., с. Кулябовка, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2023.

БЗА — жен., 1948, с. Сампур, Самп., записи Т. В. Махрачевой, М. А. Облицова, Е. Ю. Блиновой, 2020.

БПЕ — жен., 1919 г. р., с. Никольское, Знам., записи Т. В. Махрачевой, Н. Г. Раковской, 2001.

БСВ — жен., 1948 г. р., с. Кулябовка, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2023.

ИВИ — жен., 1938 г. р., с. 1-ая Иноковка, Кирс., записи Т. В. Махрачевой, Д. Н. Лоскутова, 2009.

КВГ — жен., 1929 г. р., с. Вторые Левые Ламки, Сосн., записи Т. В. Махрачевой, С. П. Коропченко, Р. А. Кочарян, 2018.

КВВ — муж., 1932 г. р., с. Нижняя Ярославка, Сосн., записи Т. В. Махрачевой, С. П. Коропченко, Р. А. Кочарян, 2018.

КТИ — жен., 1950 г. р., с. Булгаково, Гаврил., записи Я. В. Махрачевой, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2024.

МВК — муж., 1947 г. р., с. Оржевка, Умет., записи Г. С. Махрачева, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2022.

НКВ — жен., 1929 г. р., с. Оржевка, Умет., записи Г. С. Махрачева, Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2022.

ПНИ — жен., 1916 г. р., с. Пановы Кусты, Самп., записи Т. В. Махрачевой, 1993.

РТИ — жен., 1941 г. р., с. Бахарево, Самп., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 2020.

СМВ — жен., 1955 г. р., с. Васильево, Пич., записи Г. С. Махрачева, Я. В. Махрачевой, 2020.

ФНД — муж., 1926 г. р., с. Прудовка, Самп., записи Т. В. Махрачевой, 1993.

ЧВС — жен., 1968 г. р., с. Шапкино, Мучкап., записи Т. В. Махрачевой, Е. Ю. Блиновой, 1993.

ЧМА — жен., 1939 г. р., с. Большой Ломовис, Пич., записи Г. С. Махрачева, Я. В. Махрачевой, 2020.

Источники и принятые сокращения

1. *Бюллетень* Тамбовского губернского статистического бюро. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1924. — № 4. — 140 с.

2. *Бюллетень* Тамбовского губернского статистического бюро. — Тамбов : Издание Тамбовского губернского статистического бюро, 1928. — № 8. — 96 с.

3. ГАСПИТО — *Государственный архив* социально-политической истории Тамбовской области. Ф. П-840 (Тамбовский губернский комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 2340. Л. 170 ; Ф. 842 (Тамбовский уездный комитет ВКП(б). Оп. 1. Д. 696. Л. 13.

4. ГАТО — *Государственный архив* Тамбовской области. Ф. Р-727 (Совет народного хозяйства исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 717. Лл. 59, 63 ; Д. 719. Л. 48 ; Д. 758. Лл. 134, 281 ; Д. 785. Л. 25 об. ; Д. 1042. Лл. 75, 108, 109 ; Д. 1520. Л. 18 ; Д. 2834. Л. 37 ;

Д. 3322. Л. 1 ; Д. 3325. Лл. 20, 30 ; Д. 3499. Л. 25 ; Д. 4017. Лл. 14—16, 27 ; Ф. Р-966 (Тамбовский губернский союз сельскохозяйственной кредитной и кустарно-промышленной кооперации). Оп. 1. Д. 38. Лл. 9, 11, 26—27, 32—33 ; Д. 52. Л. 11.

5. Докладная записка губернского агронома о мероприятии по кустарным промыслам. — [Без места и года]. — 75 с.

6. Краткий обзор деятельности ГИК и его Президиума за 1921—22 отчетный год. — [Без места и года]. — 553 с.

7. Кустарная промышленность в Тамбовской губ // Трудовое единение. — 1919. — № 14—15—16. — С. 60—61.

8. Кустарные промыслы Тамбовской губернии. — Тамбов : Губернская земская типография, 1900. — 613 с.

9. Ленин В. И. О кооперации / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Москва : Политиздат, 1970. — Т. 45. — С. 369—377.

10. Ленин В. И. Развитие капитализма в России / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений. — 5-е изд. — Москва : Политиздат, 1971. — Т. 3. — С. 1—609.

11. Лябин Н. Производственная работа губкустпромсоюза (обзор деятельности) / Н. Лябин // Кооператор. — 1922. — № 1. — С. 25—27.

12. Не кустарь. Положение кустаря / Не кустарь // Тамбовская правда : [газета]. — 1922. — № 151. — С. 3.

13. Обследование кустарных промыслов Липецкого уезда. — Липецк : Типография Л. А. Петровой, 1912. — 100 с.

14. Плеханов Г. В. Наши разногласия / Г. В. Плеханов // Избранные философские произведения. — Москва : Госполитиздат, 1956. — Т. 1. — С. 115—794.

15. Пругавин В. С. Кустарь на выставке 1882 года / В. С. Пругавин. — Москва : Типография Н. С. Скворцова, 1882. — 54 с.

16. П-ский С. Организовать куспромсоюз / С. П-ский // Тамбовская правда : [газета]. — 1928. — № 21. — С. 4.

17. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Отдел хозяйственной статистики. — Тамбов : Губернская Земская типография, 1881. — Т. 2. Козловский уезд. — 431 с.

18. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. — Тамбов : Губернская Земская типография, 1882. — Т. 3. Моршанский уезд. — 519 с.

19. Тамбовское сельскохозяйственное общество. Отчет о деятельности Тамбовского сельскохозяйственного общества за период со 2 марта 1902 года по 1 января 1913 года. — Тамбов : Типография Губернского Земства, 1913. — 84 с.

Литература

1. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А. К. Байбурин. — 2-е издание, исправленное. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 217 с. — ISBN 5-9551-0001-6.

2. Бузлаева А. И. Ленинский план кооперирования мелкой промышленности / А. И. Бузлаева. — Москва : Наука, 1969. — 175 с.

3. Вендина Т. И. Антропология диалектного слова / Т. И. Вендина — Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — 684 с. — ISBN 978-5-4469-1776-1.

4. Григорова В. А. Кустарные промыслы Центрального Черноземья на пути модернизации (вторая половина XIX века — начало XX века) / В. А. Григорова. — Воронеж : ВГТУ, 2017. — 291 с. — ISBN 978-5-7731-0531-2.

5. Егоров В. Г. Кустарные промыслы Курской губернии второй половины XIX — XX вв. / В. Г. Егоров, О. А. Зозуля, Е. С. Сарыков. — Санкт-Петербург : Алетей, 2016. — 206 с. — ISBN 978-5-906823-01-4.
6. Егоров В. Г. Отечественная кооперация в мелком промышленном производстве : становление, этапы развития, огосударствление (первая треть XX века) / В. Г. Егоров. — Казань : Издательство Казанского университета, 2005. — 332 с. — ISBN 5-7464-1320-8.
7. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типография А. И. Мамонтова, 1876. — Т. 1. — 94 с.
8. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типография и литография С. В. Гурьянова, 1876. — Т. 2. — 200 с.
9. Исаев А. А. Промыслы Московской губернии / А. А. Исаев. — Москва : Типо-литография С. В. Гурьянова, 1877. — Т. 1, вып. 2. — 35 с.
10. Карташова М. В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX — начале XX в. (1872—1917 гг.) : статистика, локализация, государственная поддержка / М. В. Карташова. — Нижний Новгород : Кварц, 2018. — 414 с. — ISBN 978-5-906698-87-2.
11. Козлов И. А. Революция, нэп и судьбы мелкого производства / И. А. Козлов // Историческое значение нэпа : сборник научных трудов. — Москва : Институт истории СССР, 1990. — С. 61—85.
12. Королькова М. Д. Словообразовательное гнездо в ремесленной лексике русских говоров (корни *-вал-* и *-кат-* в лексике валяльного дела) / М. Д. Королькова // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках. — Волгоград : ВолГУ, 2022. — С. 104—112.
13. Перепелицын А. В. Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период / А. В. Перепелицын. — Воронеж : ВГПУ, 2005. — 171 с. — ISBN 5-88519-238-3.
14. Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русско-го народного хозяйства / А. А. Рыбников. — Москва : Кооперативное издательство, 1922. — 52 с.
15. Рыбников А. А. Очерки организации сельского кустарно-ремесленного хозяйства / А. А. Рыбников. — Москва : Всесопромсоюз, 1926. — 41 с.
16. Рындзюнский П. Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России / П. Г. Рындзюнский. — Москва : Наука, 1966. — 262 с.
17. Тарновский К. Н. Мелкая промышленность России в конце XIX — начале XX в. / К. Н. Тарновский. — Москва : Наука, 1995. — 269 с.
18. Тихомиров В. А. Социалистическое соревнование и промысловая кооперация / В. А. Тихомиров. — Москва : Всесопромсоюз; Крестьянская газета, 1929. — 13 с.
19. Файн Л. Е. Советская кооперация в тисках командно-административной системы (20-е гг.) / Л. Е. Файн // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 35—47.
20. Фромметт Б. Р. Десять лет советской промысловой кооперации. 1917—1927 / Б. Р. Фромметт. — Москва : Книгосоюз, 1927. — 70 с.
21. Яковлев П. И. Промысловая кооперация СССР за 40 лет / П. И. Яковлев. — Москва : КОИЗ, 1957. — 51 с.

*Статья поступила в редакцию 17.06.2025,
одобрена после рецензирования 29.09.2025,
подготовлена к публикации 18.10.2025.*

Material resources

A brief overview of the activities of the GIC and its Presidium for the 1921—22 reporting year. [Without place and year]. 553 p. (In Russ.).

AA — *Archive of authors.* (In Russ.).

Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau, 4. (1924). Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 140 p. (In Russ.).

Bulletin of the Tambov Provincial Statistical Bureau, 8. (1928). Tambov: Publication of the Tambov Provincial Statistical Bureau. 96 p.

Collection of statistical information on the Tambov province, 3. (1882). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 519 p. (In Russ.).

Collection of statistical information on the Tambov province. Department of Economic Statistics, 2. (1881). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 431 p. (In Russ.).

GASBITO — *The State Archive of the Socio-political History of the Tambov region. F. P—840 (Tambov Provincial Committee of the CPSU(b)).* (In Russ.).

GATO — *State Archive of the Tambov region. F. R-727 (Council of National Economy of the Executive Committee of the Tambov Provincial Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies).* (In Russ.).

Handicraft industry in the Tambov province. (1919). *Labor unity*, 14—15—16: 60—61. (In Russ.).

Handicrafts of the Tambov province. (1900). Tambov: Provincial Zemstvo Printing House. 613 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1970). On cooperation. In: *Complete Works*, 45. 5th ed. Moscow: Politizdat. 369—377. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1971). The development of capitalism in Russia. In: *Complete works*, 3. 5th ed. Moscow: Politizdat. 1—609. (In Russ.).

Lyabin, N. (1922). The production work of gubkustpromsoyuz (an overview of activities). *Cooperator*, 1: 25—27. (In Russ.).

Not a handicraftsman. The position of the artisan. (1922). *Tambovskaya Pravda: [newspaper]*, 151: P. 3. (In Russ.).

Plekhanov, G. V. (1956). Our differences. In: *Selected philosophical works*, 1. Moscow: Gospolitizdat. 115—794. (In Russ.).

Prugavin, V. S. (1882). *Kustar at the exhibition of 1882.* Moscow: N. S. Skvortsov Printing House. 54 p. (In Russ.).

P-skiy, S. (1928). To organize the kustprom union. *Tambovskaya pravda: [newspaper]*, 21: P. 4. (In Russ.).

Survey of handicrafts of the Lipetsk district. (1912). Lipetsk: L. A. Petrova Printing House. 100 p. (In Russ.).

Tambov Agricultural Society. Report on the activities of the Tambov Agricultural Society for the period from March 2, 1902 to January 1, 1913. (1913). Tambov: Printing house of the Provincial Zemstvo. 84 p. (In Russ.).

The memorandum of the provincial agronomist on the event on handicrafts. [Without place and year]. 75 p. (In Russ.).

References

Baiburin, A. K. (2005). *Dwelling in the rituals and representations of the Eastern Slavs.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 217 p. ISBN 5-9551-0001-6. (In Russ.).

Buzlaeva, A. I. (1969). *Lenin's plan for cooperation in small industry.* Moscow: Nauka Publ. 175 p. (In Russ.).

- Egorov, V. G. (2005). *Domestic cooperation in small-scale industrial production: formation, stages of development, nationalization (the first third of the 20th century)*. Kazan: Kazan University Press. 332 p. ISBN 5-7464-1320-8. (In Russ.).
- Egorov, V. G. (2016). *Handicrafts of the Kursk province of the second half of the XIX—XX centuries*. Saint Petersburg: Aleteya. 206 p. ISBN 978-5-906823-01-4. (In Russ.).
- Fine, L. E. (1994). Soviet cooperation in the grip of the command and administrative system (the 20s). *Questions of history*, 9: 35—47. (In Russ.).
- Frommett, B. R. (1927). *Ten years of Soviet fishing cooperation. 1917—1927*. Moscow: Knigosoyuz. 70 p. (In Russ.).
- Grigорова, V. A. (2017). *Handicrafts of the Central Chernozem region on the path of modernization (the second half of the 19th century — the beginning of the 20th century)*. Voronezh: VSTU. 291 p. ISBN 978-5-7731-0531-2. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1876). *Crafts of the Moscow province, 1*. Moscow: A. I. Mamontov Printing House. 94 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1876). *Crafts of the Moscow province, 2*. Moscow: S. V. Guryanov's Printing and Lithography. 200 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1877). *Crafts of the Moscow province, 1(2)*. Moscow: S. V. Guryanov's Printing and Lithography. 35 p. (In Russ.).
- Kartashova, M. V. (2018). *Handicrafts of the Russian Empire in the last third of the XIX — early XX century (1872—1917): statistics, localization, government support*. Nizhny Novgorod: Quartz. 414 p. ISBN 978-5-906698-87-2. (In Russ.).
- Korolkova, M. D. (2022). The word-formative nest in the craft vocabulary of Russian dialects (roots -val- and -kat- in the lexicon of felt making). In: *Semantics and functioning of language units in Slavic languages*. Volgograd: Volgograd State University. 104—112. (In Russ.).
- Kozlov, I. A. (1990). Revolution, NEP and the fate of small-scale production In: *Historical significance of NEP: collection of scientific papers*. Moscow: Institute of History of the USSR. 61—85. (In Russ.).
- Perpelitsyn, A. V. (2005). *Peasant crafts in the central chernozem provinces of Russia in the post-reform period*. Voronezh: VGPU. 171 p. ISBN 5-88519-238-3. (In Russ.).
- Rybnikov, A. A. (1922). *Small industry and its role in the restoration of the Russian national economy*. Moscow: Cooperative Publishing House. 52 p. (In Russ.).
- Rybnikov, A. A. (1926). *Essays on the organization of rural handicraft farming*. Moscow: Vsekopromsoyuz. 41 p. (In Russ.).
- Ryndzunsky, P. G. (1966). *Peasant industry in post-reform Russia*. Moscow: Nauka Publ. 262 p. (In Russ.).
- Tarnovsky, K. N. (1995). *Small industry of Russia at the end of the XIX — beginning of the XX century*. Moscow: Nauka Publ. 269 p. (In Russ.).
- Tikhomirov, V. A. (1929). *Socialist competition and industrial cooperation*. Moscow: Vsekompromsoyuz; Krestyanskaya gazeta. 13 p. (In Russ.).
- Yakovlev, P. I. (1957). *Fishing cooperation of the USSR for 40 years*. Moscow: KOIZ Publ. 51 p. (In Russ.).
- Vendina, T. I. (2020). *The anthropology of the dialectal word*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 684 p. ISBN 978-5-4469-1776-1. (In Russ.).

*The article was submitted 17.06.2025;
approved after reviewing 29.09.2025;
accepted for publication 18.10.2025.*